

Белобородов А. М. Сравнительный анализ результатов диагностики самооценки и объективных показателей эмоционального интеллекта / А. М. Белобородов, Е. С. Иванова // Научный диалог. — 2014. — № 11 (35) : Психология. Педагогика. — С. 103–113.

УДК 159.942.33:159.9.072

Сравнительный анализ результатов диагностики самооценки и объективных показателей эмоционального интеллекта

А. М. Белобородов, Е. С. Иванова

Ставится вопрос о статусе эмоционального интеллекта как научной категории психологии. Анализируются имеющиеся подходы к его измерению и методики, применяемые в отечественной исследовательской практике. Подчеркивается факт несоответствия данных, полученных при самоотчете (самооценке) уровня сформированности эмоционального интеллекта и его компонентов с данными тестовых проб, направленными на оценку актуальных навыков и умений. Дается критическая оценка наиболее распространенных и адаптируемых в настоящее время методик, оперирующих процессуальными показателями эмоционального интеллекта. Отмечается необходимость операционализации его составляющих. На основании авторской модели эмоционального интеллекта проводится анализ эмпирических данных, полученных на выборке студентов. С помощью методов математической статистики доказано, что гендерные различия самоотчетов не согласуются с различиями по тестовым пробам у юношей и девушек и в значительной мере подвержены влиянию гендерных стереотипов. Корреляционный анализ показал, что показатели самоотчетов и данные тестов не связаны между собой. Получено подтверждение ранее выявленных данных об автономности функционирования составляющих системы переработки эмоционально окрашенной информации у юношей и симультанной стратегии у девушек. Представленные результаты обостряют конфликт между моделями способностей и смешанными моделями эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; социальный интеллект; опознание эмоций; лицевая экспрессия.

1. Введение

Эмоциональный интеллект как теоретический конструкт ознаменовал переход психологии из века XX-го в век XXI-ый. Повсеместное признание того, что показателей «просто интеллекта» недостаточно для прогноза успешности личности [Гоулман и др., 2005], определил поворот науки к пониманию значимости эмоциональной и мотивационной составляющей для построения более или менее надежных предположений о перспективах реализации человеком своего потенциала в той или иной сфере. Особенную остроту вопрос развития эмоционального интеллекта, его мониторинга и коррекции приобрел в настоящее время, когда коммуникативная компетентность стала определяющим фактором успешности представителей различных профессий.

Напряженно и противоречиво идет процесс ассимиляции данного конструкта, сформировавшегося в зарубежной психологии при попытке непосредственного перенесения его в понятийную систему отечественной психологии. Несогласованность имеющихся теоретических подходов к определению составляющих эмоционального интеллекта на данный момент порождает определенную стагнацию в процессе его эмпирического исследования, вызванную отсутствием адекватного инструментария и, соответственно, полноценных циклов экспериментальных работ. Имеющаяся в настоящее время русскоязычная литература по проблемам эмоционального интеллекта в значительной мере представляет собой однообразное прочтение нескольких авторов и сетования на отсутствие валидных и надежных методик его измерения. Методологическое и инструментальное оформление имеющихся немногочисленных экспериментальных исследований отличается крайне высокой склонностью заимствовать у зарубежных исследователей методики путем

перевода, в ущерб необходимым процедурам адаптации и валидации.

В целом, анализируя имеющийся инструментарий, можно заключить, что разработано несколько многошкальных тестов, большинство из которых являются коммерческими продуктами зарубежного происхождения, используемыми в рамках тренингов и программах развития эмоционального интеллекта. В нашей стране это направление пока не столь популярно у исследователей и разработчиков психодиагностических методик.

В складывающихся обстоятельствах, при постоянно повышающемся спросе на прогностически значимые психологические маркеры со стороны практики управления человеческими ресурсами, проблема диагностики эмоционального интеллекта приобретает особую остроту. Основываясь на собственном опыте применения различных шкал, мы можем заключить, что имеющиеся опросные методики Н. Холла и Д. В. Люсина, построенные на самоотчетах испытуемых, все менее и менее надежно позволяют оценить реальные способности человека распознавать свои и чужие эмоции, регулировать собственные и управлять эмоциональными состояниями окружающих [Иванова, 2011].

В отличие от опросника Н. Холла, методика «ЭмИн» Д. В. Люсина имплицитно включает в себя теоретическую модель эмоционального интеллекта, разработанную автором [Люсин, 2006]. Выделяя межличностный и внутриличностный аспекты эмоционального интеллекта, Д. В. Люсин включил в них такие компоненты, как понимание и управление эмоциями, а для внутриличностного — еще и экспрессию. В целом следует признать, что термины *понимание*, *управление*, *выражение* (экспрессия) по своей формулировке и содержанию являются процессуальными. Иными словами, конечный результат оценки такого рода деятельности остается размытым и неопределенным. Например, понимание эмоций других людей как компонент межличностного эмоционального интеллекта предполагает,

что мы как исследователи должны не просто опираться на умозаключение «понимающего» субъекта, но и провести специальную проверку уровня его понимания, т. е. проконтролировать, какой материал для понимания предоставил «понимаемый» субъект взаимодействия. Очевидно, что при такого рода организации исследования экспериментальные данные становятся некоторым набором эмпирических наблюдений, опосредованных точностью понимания и восприятия происходящего как со стороны общающихся субъектов, так и со стороны исследователя.

Аналогичная ситуация складывается в отношении других аспектов — управления и экспрессии. При этом остается невыясненным, каким образом оценивать межличностное управление — то есть влияние субъекта-носителя эмоционального интеллекта на эмоции других людей — и как отделить его воздействие от их восприимчивости. В отношении экспрессии вопросов еще больше, так как носителями экспрессии являются и вербальный, и невербальный компоненты общения. Должны ли мы составлять системное описание всех показателей экспрессии (мимика, жесты, голосовые и интонационные характеристики, поза, подбор лингвистических конструкций и пр.)? Или есть ведущие компоненты, а остальные лишь дополняют основной посыл экспрессирующего субъекта?

В целом следует заключить, что опросник Д. В. Люсина при всей разработанности теоретического конструкта, положенного в его основу, предоставляет исследователю результаты субъективного восприятия испытуемым своей успешности / неуспешности во взаимодействии с окружающими. При этом, как и все опросники, остается весьма подвержен влиянию феномена социальной желательности и не защищен от стремления испытуемого произвести на окружающих по итогам диагностики благоприятное впечатление, а также поддерживать самооценку и позитивный Я-образ.

Некоторой попыткой преодоления такого рода трудностей в диагностике эмоционального интеллекта являются работы Е. А. Серги-

енко и Н. И. Ветровой, направленные на адаптацию русскоязычной версии тестовых заданий, разработанных Д. Майером, П. Селавеем, Дж. Карузо. И вторая версия MSCEIT (The Mayer-Salovey-Caruso Emotional Intelligence Test) позиционируется авторами как весьма надежный инструмент измерения эмоционального интеллекта [Сергиенко и др., 2009]. Дж. Майер, П. Селавей, Д. Карузо, чей тест адаптируется, изначально предположили, что эмоциональный интеллект обуславливает наличие различных способностей, которые задействованы в адаптивной обработке эмоциональной информации. Активно связывая эмоциональный интеллект и личностные особенности, авторы выделили четыре его основные компонента: восприятие, оценка и выражение эмоций или же идентификация эмоций; использование эмоций для повышения эффективности мышления и деятельности; понимание и анализ эмоций; сознательное управление эмоциями для личностного роста и улучшения межличностных отношений. Данные блоки описываются авторами через «способность», «использование», «вызывание эмоций». Очевидно, что при таком подходе также большую трудность представляет операционализация перечисленных составляющих эмоционального интеллекта.

В результате реализации проекта, направленного на анализ опознания и вербализации эмоций как базовых компонентов эмоционального интеллекта (грант ФЦП № П1216), нами была предложена авторская модель эмоционального интеллекта, включающая в себя базовые структурные компоненты: опознание и вербализацию эмоций, а также функциональные структурные компоненты: понимание, управление, экспрессия эмоций на межличностном и внутриличностном уровне [Иванова, 2010]. В начале нашего трехлетнего лонгитюдного исследования, направленного на оценку естественного и сформированного развития перечисленных показателей эмоционального интеллекта у разных половозрастных групп испытуемых, мы обнаружили, что между показателями методики «ЭмИн» Д. В. Люсина и точностью опознания лицевой экспрессии, объемом активного слова-

ря эмоций — взаимосвязи, вычисленные с помощью коэффициента корреляции Пирсона, отсутствуют. Этот факт был проинтерпретирован как несоответствие самооценки своих коммуникативных успехов / неуспехов и реальных навыков, связанных с точным восприятием партнера по общению, его эмоционального состояния, динамики настроения и т. д. Таким образом, возникла гипотеза о том, что следует сделать акцент на модели способностей, отойдя от смешанных моделей, которые пытаются учесть личностные особенности, темперамент, сензитивность и т. д. Следует говорить о навыках и способностях, которые проявляют себя в измеряемых показателях. Обнаружение и анализ объективно измеряемых, прогностически надежных маркеров эмоционального интеллекта позволит, по нашему мнению, вывести эту категорию из состояния фантома, «объясняющего» самые разнообразные явления — от жизненного успеха и лидерства до клинических нарушений, — и встроить в круг научных понятий современной психологии.

Представляется, что экспериментальные исследования, включающие определение уровня сформированности различных коммуникативных навыков и оценка их взаимосвязи с реальными достижениями испытуемых в плане коммуникации и влияния на свое окружение — вот что должно стать перспективным направлением исследования эмоционального интеллекта в ближайшее время. Этот подход позволит создать адаптированный к отечественным реалиям и специфике русскоязычной выборки методический инструментарий.

Поиск и выявление отдельных операциональных показателей эмоционального интеллекта являются важным предварительным этапом в решении вопроса о полном описании навыков и умений, прогностически значимо его маркирующих. Переходный период должен быть ознаменован появлением работ, оценивающих взаимосвязь этих маркеров с результатами самооценки испытуемыми своих коммуникативных достижений. Этот промежуточный этап необходим для того, чтобы не потерять данные о результатах корреляционных

исследований, выявивших взаимосвязи на уровне саморепрезентаций субъекта (связь эмоционального интеллекта и темперамента, эмпатических сносностей, алекситимии и т. д.).

В представляемом экспериментальном исследовании приняли участие 62 испытуемых — 31 юноша и 31 девушка в возрасте 19–20 лет, студенты департамента государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Особенностью данной выборки является высокий уровень социальной активности студентов, включенность в процессы социального взаимодействия, изначальная ориентированность обучающихся на управление и воздействие на окружающих как неотъемлемые компоненты профессиональной подготовки.

Испытуемым предъявлялись следующие методики: опросник «ЭМИн» Д. В. Люсина, тест социального интеллекта Дж. Гилфорда, М. Салливана, Тест лицевой экспрессии Е. С. Ивановой. Первая методика построена на самооценке испытуемыми своего поведения и его эффективности в различных ситуациях взаимодействия, две другие методики являются тестами, то есть включают задания, имеющие единственно верные варианты ответов, поиск и нахождение которых во многом зависит от уровня актуально сформированной коммуникативной компетентности испытуемого.

В связи с ранее полученными результатами о выраженных гендерных различиях эмоционального интеллекта и его базовых структурных компонентов (данные были получены в ходе работы со студентами разных специальностей) [Иванова, 2011] был произведен расчет *t*-критерия Стьюдента для оценки достоверности различий исследованных показателей между юношами и девушками представленной выборки.

Результаты вычислений во многом согласуются с ранее полученными нами данными [Иванова, 2010, 2011] и выражаются в том, что у юношей этой возрастной группы показатели внутриличностного

эмоционального интеллекта значимо выше, чем у девушек. Эти значения достигаются благодаря достоверно более высоким результатам по субшкалам внутриличностного понимания и управления эмоциями. Как уже отмечалось нами ранее, этот факт в значительной мере отражает давление гендерного стереотипа, связанного с жестким предписанием для юношей и мужчин контролировать свои эмоции.

По показателям межличностного эмоционального интеллекта и его составляющих гендерные различия между обследованными выборками недостоверны. Это еще один вопрос в концепции эмоционального интеллекта, требующий внимания исследователей: по нашим наблюдениям, с каждым годом среди молодежи и подростков достоверность различий в восприятии эмоций окружающих и способности управлять ими теряет гендерную специфичность [Иванова, 2011].

По показателям социального интеллекта различия в пользу девушек — как по общему показателю, так и по субтесту 1 («Истории с завершением» — измеряет фактор познания результатов поведения, то есть способность предвидеть последствия поведения персонажей в определенной ситуации, предсказать то, что произойдет в дальнейшем). Таким образом, если при самооценке навыков и способностей управлять эмоциями и понимать их юноши превосходят девушек, то при реализации в непосредственной деятельности, как показали простые эмпирические пробы, соотношение гендерных различий прямо противоположное.

Различия по точности опознания лицевой экспрессии не достигают уровня значимости 0,95 и находятся на уровне тенденции (0,80). Этот показатель по нашим данным также ведет себя нестабильно с точки зрения гендерных различий — в одних выборках девушки значимо превосходят юношей, в других различия только на уровне преобладания среднегрупповых значений [Иванова, 2010, 2011]. Этот факт объясняется во многом тем, что данный навык хорошо тренируется и при возникновении мотивации понимать состояние

других людей человек может как самостоятельно, так и посредством имеющейся методической литературы и тренинговых программ развить в себе данный навык.

Таким образом, наблюдается противоречие между самооценкой навыков, успешности в общении и показателями выполнения заданий, моделирующих реальные жизненные ситуации, требующие навыков и отрефлектированного опыта взаимодействия. С одной стороны, юноши достоверно более высоко оценивают свои способности контролировать собственные эмоции, с другой стороны, девушки значимо лучше справляются с пониманием и прогнозированием различных ситуаций, поиском причин их возникновения, оценкой эмоционального состояния взаимодействующих субъектов.

Для оценки взаимосвязи между самооценкой коммуникативных способностей и тестовыми показателями навыков взаимодействия был вычислен коэффициент корреляции Пирсона, который показал, что ни в группе девушек, ни в группе юношей нет достоверных взаимосвязей между показателями эмоционального интеллекта и показателями социального интеллекта, а также точностью опознания лицевой экспрессии. Этот факт указывает на то, что данные самооценочных методик (самоотчеты) и результаты эмпирических проб остаются не связанными между собой показателями. И при выборе теоретической позиции и соответственно подборе исследовательских методик автор должен точно определить, достижение какой цели он планирует — измерить и оценить динамику представлений испытуемого о своих коммуникативных умениях и достижениях или сформировать и развить навыки взаимодействия субъекта на уровне эмоционального компонента общения как неотъемлемой части жизненного опыта и процесса коммуникации.

Вычисление коэффициента корреляции между показателями социального интеллекта и точностью опознания лицевой экспрессии показало отсутствие значимых взаимосвязей в выборке юношей и значимую корреляцию между общим показателем социального ин-

теллекта и точностью опознания лицевой экспрессии эмоций в выборке девушек. Эти результаты еще раз подтверждают наши выводы о том, что у юношей система восприятия, опознания и обработки эмоциональной информации работает автономными блоками, тогда как для девушек характерны симультанные механизмы, взаимоусиление и комплексность при восприятии данного рода информации о партнере по общению [Иванова, 2011].

Таким образом, представленные результаты проверки взаимосвязи самооценки эмоционального интеллекта и эмпирических проб, отражающих уровень сформированности его отдельных компонентов, показали следующее:

1. Гендерные различия эмоционального компонента являются во многом следствием устойчивых социальных стереотипов, согласно которым юноши и молодые мужчины продолжают позиционировать себя как хорошо контролирующих и управляющих собственными эмоциями. Девушки, в силу ослабления давления стереотипа о необходимости женщине быть сензитивной и чутко реагировать на эмоции окружающих, утратили свои лидирующие позиции даже на уровне самооценки в плане межличностного интеллекта.

2. Измерение сформированных навыков опознания, вербализации, прогнозирования эмоциональных реакций окружающих показывает, что занижение девушками самооценки в плане межличностного эмоционального интеллекта не получает своего эмпирического подтверждения и они значимо, либо на уровне тенденций превосходят юношей по этим способностям.

3. В целом самооценочные методики (опросники) и тесты как реальные пробы, дающие представление об уровне сформированности того или иного навыка, остаются в настоящее время двумя не связанными подходами в измерении эмоционального интеллекта, отображая глобальную проблему действующего субъекта — несовпадение его представлений о себе и объективированных показателей способности к преобразованию действительности — внешней и внутренней.

Литература

1. *Гоулман Д.* Эмоциональное лидерство : искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта : [пер. с англ.] / Д. Гоулман, Р. Бояцис, Э. Макки. — Москва : Альпина Бизнес Букс, 2005. — 300 с.

2. *Иванова Е. С.* Опознание и вербализация эмоций как основа эмоционального интеллекта / Е. С. Иванова // Известия Уральского гос. ун-та. Серия 1 : Проблемы образования, науки и культуры. — 2010. — № 4 (81). — С. 82–88.

3. *Иванова Е. С.* Половозрастные особенности эмоционального интеллекта и его структурных компонентов / Е. С. Иванова // Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской академии образования. — 2011. — № 7 (86). — С. 65–74.

4. *Люсин Д. В.* Новая методика измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн / Д. В. Люсин // Психологическая диагностика. — 2006. — № 4. — С. 3–22.

5. *Сергиенко Е. А.* Тест «Эмоциональный интеллект» : русскоязычная адаптация теста Мэйера-Сэловея-Карузо (MSCEIT V2.0) [Электронный ресурс] / Е. А. Сергиенко, Н. И. Ветрова. — Режим доступа : <http://www.psystudy.com/index.php/num/2009n6-8/243-sergienko-vetrova8.html>.

© **Белобородов Антон Михайлович (2014)**, магистрант, департамент психологии, ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург), beloborodov09@mail.ru.

© **Иванова Екатерина Сергеевна (2014)**, кандидат психологических наук, доцент кафедры управления общественными отношениями, департамент государственного и муниципального управления, ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург), ivanova_rina@mail.ru.